

Фридунайскай Тр а в а
2. Издание

21 ИЮН. 41 2

Навстречу лермонтовскому юбилею

ШЕВЧЕНКО и ЛЕРМОНТОВ

Отличительной чертой литературных юбилеев, всенародно празднуемых Советской страной, является их межнациональный характер. Юбилей того или иного писателя является праздником не только для того народа, в рядах литературы которого творил этот писатель.

Столетие со дня смерти великого русского поэта, основоположника русской литературы Александра Сергеевича Пушкина, отмечалось в 1937 году, не только русскими литераторами, не только русским народом. Пушкинский юбилей явился делом всех народов, праздником культуры всех национальностей. Память великого русского поэта чтили в одинаковой степени и русские, и украинцы, и грузины, и казахи, и узбеки — все народы многонациональной Советской родины. На многочисленных языках народов СССР переводились произведения Пушкина, ставились национальными театрами его пьесы, устраивались тысячи вечеров, лекций, докладов о Пушкине на языках народов Союза. Всем одинаково близок был могучий Пушкин, одинаково дорог и понятен!

Точно также не ограничился пределами Грузии 750-летний юбилей певца грузинского народа Шота Руставели (тоже в 1937 году). Декламацию его бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шку-

ре» можно было услышать в эти юбилейные дни в Москве и Ленинграде, в украинских и армянских селениях, в дагестанских аулах и казахских кишлаках. Потом пришел — в 1939 году — 125-ти летний юбилей со дня рождения великого украинского кобзаря Тараса Шевченко — и Советская Грузия платила Советской Украине за ее интерес и внимание к Шота Руставели ответной любовью к Тарасу Шевченко. Гневный шевченковский «Заповіт» был переведен в этот юбилейный год на десятки языков. «Кобзарь» был издан на русском, белорусском, грузинском, азербайджанском, армянском и многих других языках.

Такой-же всеобщий интерес был проявлен и к юбилею армянского народного эпоса «Давид Сасунский», калмыцкого «Джангар» и т. д.

Этот интернациональный характер литературных празднеств помогает выявить благородные черты интернационализма в творчестве самих писателей-юбиляров, проследить ту дружбу и те взаимовлияния, которыми так богата история братских литератур, но которые замалчивались националистическими литературоведами.

Вот и сейчас Советская страна готовится всенародно отметить 100 лет со дня трагической гибели

великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, затравленного царским самодержавием. Украинский народ вместе со всеми братскими народами будет праздновать этот юбилей. В предверии большого праздника радостно вспомнить, какой огромной любовью пользовался Лермонтов у своего современника — у великого сына украинского народа Тараса Шевченко, как высоко расценивал Шевченко лермонтовскую поэзию.

То непримиримое отношение к окружающей действительности, и та неудовлетворенность этой действительностью, которые отмечают творчество Лермонтова, были близки поэту-революционеру, поэту-бунтарю Тарасу Шевченко.

Мы не имеем свидетельств, которые говорили бы о личном знакомстве между двумя великими современниками. Надо полагать — что это знакомство не состоялось, хотя еще при жизни Лермонтова Шевченко выступил с первым изданием своего «Кобзаря» (1840 г.), сразу же принесшим автору славу замечательного поэта.

Независимо, однако, от того, состоялось или не состоялось это знакомство, Шевченко испытывал большой интерес к Лермонтову, ощущал его влияние на своей поэзии. Несомненным влиянием Лермонтова отмечена написанная Шевченко в начале 40-х годов

поэма «Тризна» («Безталанный») на русском языке.

В «Журнале» (дневнике) Шевченко сохранилось свидетельство о том, что в 40-х годах Тарас Григорьевич прекрасно знал и высоко ценил творчество Лермонтова. Будучи в ссылке, Шевченко вспомнил и 20 июля 1857 года записал в дневнике, как в 1845 году он на Роменской ярмарке слышал в исполнении цыганского хора, выступавшего перед пьяной аудиторией, лермонтовское стихотворение «Из Гете» («Горные вершины»). Возмущенный этой профанацией поэзии, Шевченко записал по этому поводу в дневнике: «Думал ли великий германский поэт, а за ним и наш великий Лермонтов, что их глубоко поэтические стихи будут отвратительно дико петы пьяными цыганками перед сбором пьянейших ремонтеров? Им и во сне не снилась эта грязная пародия».

Из ссылки Тарас Григорьевич неоднократно обращался к своим друзьям с просьбой о присылке книг и неизменно упоминал при этом Лермонтова. «Пришлите, — писал он из Орской крепости 20 декабря 1847 года М. М. Лазаревскому, — ради поэзии святой Лермонтова, хоть один том, великую, превеликую радость пришлете с ним вашему благодарному и безталанному земляку». Эта же просьба повторяется в письме к Лизогубу 1 февраля 1848 года: «Еще не найдете ли в Одессе сочинений Лермонтова и Кольцова, пришлите поэзии святой ради».

Получив томик Лермонтова,

Шевченко в стихотворении «Мені здається, я не знаю», написанном уже в Оренбурге в 1850 году, говорил, обращаясь к Лазаревскому, какую радость доставила ему эта присылка:

Спасибі, друже мій убогий!
...Ти переслав мені в не-
волю

Поета нашого... На волю
Мені ти двері одчинив!
Спасибі, друже! Прочитаю
(Аби хоть мало...), оживу...
Надію в серці привітаю,
Тихенько-тихо заспіваю...

Стихи Лермонтова Шевченко знал наизусть и цитировал их на память. (Это подтверждают отдельные разночтения в словах между подлинным Лермонтовским текстом и теми цитатами, которые встречаются в записях Шевченко).

Записывая 28 июля 1857 года впечатления от «лунной, тихой, волшебной ночи», Тарас Григорьевич продолжал: «Как прекрасно верно гармонировала эта очаровательная пустынная картина с очаровательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочитал несколько раз» — и вслед за тем цитировал первое четверостишие Лермонтовского «Выхожу один я на дорогу».

Дважды (в «Журнале» от 17 июня 1857 г. и в повести «Художник») Шевченко, созерцая красоту природы и восхищаясь ею, вдохновлялся лермонтовским образом из стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива». Точно также в другой записи в дневнике во время путешествия — 20 сентября 1857 года — поя-

вился, перефразированный, другой лермонтовский образ — «Тучки небесные, вечные странницы».

Многие произведения Лермонтова и Шевченко перекликаются между собой. Так, под влиянием «Пророка» возникло в 1848 году одноименное стихотворение у Шевченко, недавно перед тем получившего лермонтовский томик. Подобно лермонтовскому пророку, который провозглашать стал «любви и правды чистые ученья», шевченковский пророк тоже идет «свою любовь благовістити! святую правду возвістити!» И тот, и другой, отвергнутые непонявшими их людьми, оказываются побиты камнями.

Большая сила гнева, подлинная страстность обличений роднили обоих поэтов. Подобно Лермонтову, который клеймил в своих стихах «надменных потомков известной подлостью прославленных отцов» и называл их «стоящими у трона свободы, гения и славы палачами» Шевченко писал о той же аристократической верхушке:

Раби з кокардою на лобі,
Лакеї в золотій оздобі
Онуча, сміття з помела
Его величества. Та й годі.

Страстно ненавидевший строй угнетения и произвола, оба поэта погибли как жертвы этого строя: один от руки убийцы, чей пистолет направляло великосветское общество; другой — обессиленный и замученный десятилетней солдатчиной.

А. Недзведский.